

Преобразования Петра I в начале XVIII столетия «переодели» в европейское платье высшие слои русского общества. Перемены быта и бытия, последовавшие за революциями 1917 года, произвели настоящее опустошение русского гардероба уже во всех классах и сословиях. Впрочем, исчезли и сами сословия, уничтожены физически: купцы, дворяне, казаки, священнослужители в большинстве своём были расстреляны. Ещё живы немногие свидетели того страшного переворота, именуемого революцией.

Собственно, слова «революция» и «переворот» — синонимы: французское слово *revolution* означает «коренной переворот». В.И. Даль определял его как «смуты государственные, восстание, возмущенье, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта». Слово «переворот» уступило место слову «революция», когда в быту всё русское, как и во времена Петра I (недаром его провозглашали первым большевиком) постепенно потеснили нерусским, именуя его то «интернациональным», то «пролетарским». Правда, не издавалось указов о запрещении, скажем, русской одежды: сама жизнь не оставила ей места. К примеру, сосланные на Север кулаки, то есть самые лучшие, работающие крестьяне, радовались и рваной фуфайке: какие уж тут полушубки да зипуны...

Революция поставила всё с ног на голову («кто был ничем, тот станет всем», — пожелание революционного гимна сбывалось), вывернула наизнанку весь наш быт, как выворачивали тулупы и шубы мехом вверх ряженные во время святочных веселий. Но забава сия — облачение в подобие звериных шкур (мехом наружу) считалась греховной, и те, кто скакал в вывороченных шубах, смывали грех лицедейства в крещенской иордани — освящённой ледяной проруби.

Россия до сих пор ходит в вывороченном тулупе и не спешит смывать грех святотатства...

Шубы мехом наружу начали шить где-то в тридцатые годы. Кроме мистического объяснения - всё в стране пошло шиворот-навыворот - можно найти объяснение сему и обыденное, самое что ни на есть прозаическое: их не из чего стало шить. Если раньше «шуба крытая» тешила взоры красивой тканью — парчой да атласом, то чем покрывать шубу, когда и сатина-то неказистого не сыщешь. Чувство меры, понятия о прекрасном подсказали портным: лучше уж красивый мех — наружу, а на подкладку — что под руку подвернётся...

Лапти, понёва, зипун, кафтан, армяк, кокошник, — слова из сказочной старины, веет от них духом былых столетий, забытой и недостижимой древности. А ведь живы ещё люди, ходившие в лаптях, венчавшиеся в жемчужных и золотых кокошниках, ткавшие бранные скатерти и узорочные рубахи - себе на приданое. И живут они не где-нибудь — среди нас. Русский костюм умирал долго, и вплоть до сороковых годов по деревням донашивали косоворотки и епанечки, азямы и плахты. А умер он тогда, когда окончательно порушился вековечный крестьянский быт: загнали всех в колхоз - некому и некогда стало ткать домотканые холсты; отобрали землю — где же сеять лён-конопель?; запретили портным шить на дому - и пришлось крестьянам покупать то, что завезут в сельпо.

Так что же хранит людская память? В июле 1996 года я беседовал с почтенными старцами и много повидавшими на своём веку «николаевскими старушками», родившимися до революции-переворота 1917 года в разных великорусских губерниях. Побеседовал и узнал много интересного о старом русском укладе, городском и деревенском, из первых уст, а мой диктофон запечатлел их рассказы, окрашенные любовью и жалостью к исчезнувшей старине.

Анастасия Андреевна Серищева (Хадыкина), 1914 года рождения, уроженка села Иловка Алексеевского уезда Воронежской губернии (ныне - Белгородская область):

«И я ткала. Ну, я, конечно, вот эти разукрашенные, с узорами, не ткала. Простое полотно ткала, мешки ткала, в четыре подножки...

— А что такое подножки?

— Нитки вот так идут, - показывает руками слева направо, - а ты тут нажимаешь, и оно проскакивает, раз туда, раз вниз вот как челнок этот проденешь, нитку положишь, наступаешь, на другую подножку; там получается полотно как бы в ёлочку. Ткацкий станок в хате порядком места занимал. Четыре столба, задние столбы вот такие, - приподнимает ладонь метра на полтора от земли, - передние - низкие, потому что тут шёл валик, ткали и накручивали полотно.

— А из чего ткали?

Великороссы: верховье Волги — губернии Тверская, Ярославская и Костромская

1. Улица деревни Тверской губернии. Крыши жилых домов и служб крыты соломой, дома построены сплошной линией. У изб широкие завалинки. 2. Женщины Тверской губернии Новоржевского уезда. Головной убор и душегрея расшиты золотом. 3. Крестьяне Тверской губернии Бежецкого уезда. 4. Крестьянин Тверской губернии Весьегонского уезда. 5. Крестьянка Ярославской губернии Угличского уезда. 6. Крестьянин Ярославской губернии и уезда. 7. Крестьянин Ярославской губернии Угличского уезда. 8 и 9. Крестьяне Ярославской губернии Романовского уезда. 10. Старинный крестьянский наряд женщины Ярославской губернии. 11. Женщина Костромской губернии. 12. Крестьянин Костромской губернии Галичского уезда. 13. Крестьянин Костромской губернии Кинешемского уезда. 14. Крестьянин Костромской губернии и уезда. 15 и 16. Крестьяне Костромской губернии Галичского уезда.

и в пять нитинок ткала, и в восемь нитинок ткала, знаете, какие узоры вытыкала я. И птичками, и петушками, и репьями ткала узоры. Накрашу пряжу в краски во всяки, и ткала. Я замуж выходила, мне наволочку на перину не купили на базаре, а сшили, так она краше, лучше не знай сколько купленной была. Всем на удивление была. Одеяло - одна сторона ситцевая, а другая этак выткана баская. Тогда привезли меня в семью мужа, у-у-у? удивление у людей было, сколько наткано было приданого! А начала ткать я рано - лет пятнадцать мне было, а уж всяк ткала. Рано тогда начинали...

— Ткали много холста?

— Много. Лён сеяли, коноплю сеяли. Тятка лён продавал. Если осень долгая - коноплю осенью в реке мочили, если не успевали - на весну оставляли и весной мяли. Если долгая осень, хорошая - в баню. Баню истопишь, в баню наставишь в той кудели полну баню, она ночует там, эта куделя, утром -мять; мнёшь, вот - куделя.

Когда соткут холст - отбеливают. Кладут его... Золу разводят, и вот этой золой его заливают, холст... В корыте холст заливают золой, потом в реке вымочат, и вот сколько он пролежит, я уж не знаю, и потом холст берут, стирают его, в водах нескольких, на реке его выполощут, выкрутят, и сушат потом, расстилают. Колотили вальком. На скалку накатываешь, и холст хороший-хороший бывал, белый».

— Из шерсти, из коноплю. Сами сеяли коноплю, потом она отделялась: дёрганец и пенёк. И вот этот дёрганец повыдерги-ваешь, по ней пройдёшь, а эта оставалась... - вспоминает вылетевшее из памяти слово, - с семечками головка - это на масло. И замачивали, в речку возили, от нас далеко хоть было. Недели две мокнут.

— А если украдут?

— Нет, тогда не крали. И вот этот дёрганец мы прямо расстилали по траве, раньше-то площади полно было. И за неделю он готов был, его мочить не надо, росой... Мяли и толкли в ступе, оставалось волокно, а тогда пряли на пряхках с колесом, как и шерсть.

— Толстая нитка получалась?

— А как хочешь, там по-всякому можно прясть. Бывало, сидишь прядёшь, зайдёт кто-нибудь, останавливает пряхку, останавливает и глядит, как ты: ага, тонкая или нет. А тонко чтоб ровно, а как где-нибудь - о-о-о, да там уж, сидит, конопель губит. И неровно, и толсто. А у кого хорошо - «Ой, там как хорошо, нарядено, прямо очень уж хорошо».

Максим Сергеевич Соснин, 1909 года рождения, уроженец села Коповка Керенского уезда Пензенской губернии:

«У нас конопель за овинном сеяли. Вырастала она высокая, у-у-у! - тянет вверх руку, - под потолок. А иной раз градом её выбьет. Тогда мужики: «Давай здесь репу посеём. Она быстрее поспеет; вот такая была: крутая, мягкая. А соткут холсты -расстилали их по траве, на ночь убирали, утром - опять. Солнышком красили».

Анастасия Михайловна Шокурова, 1908 года рождения, уроженка села Старо-Костеево Бакалинского уезда Уфимской губернии (ныне - Башкирия):

«Мужикам брюки пониточные ткали на зиму. Шерсти чёрной нарядут, и из кудели пряжа.

— А что такое пониточные?

— Пониточные? Нитка шерстяная, нитка льняная: из шерсти и льна полотно. Бывало, в четыре нитинки, я сама ткала ёлочкой. Я жила не у родной матери. Ткали, пряли... Я сколько переткала: и в две, и в три, и в четыре,

Великороссы: верховье Волги — губернии Тверская, Ярославская и Костромская

1. Улица деревни Тверской губернии. Крыши жилых домов и служб покрыты соломой, дома построены сплошной линией. У изб широкие завалинки. 2. Женщины Тверской губернии Новоржевского уезда. Головной убор и душегрея расшиты золотом. 3. Крестьяне Тверской губернии Бежецкого уезда. 4. Крестьянин Тверской губернии Весьегонского уезда. 5. Крестьянка Ярославской губернии Угличского уезда. 6. Крестьянин Ярославской губернии и уезда. 7. Крестьянин Ярославской губернии Романовского уезда. 8 и 9. Крестьяне Ярославской губернии Романовского уезда. 10. Старинный крестьянский наряд женщины Ярославской губернии. II. Женщина Костромской губернии. 12. Крестьянин Костромской губернии Галичского уезда. 13. Крестьянин Костромской губернии Кинешемского уезда. 14. Крестьянин Костромской губернии и уезда. 15 и 16. Крестьяне Костромской губернии Галичского уезда.

Антонина Ивановна Кострюкова с мамой, Марией Ивановной, 1908 год

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Прядут зиму до марта, потом как поставят этот стан, и ткут, и понаткут, а тогда белили, оно же суровое. Белили — в воду макают и по траве стелят. И на солнышке красят. И вот наперегонки. Сады цветут — и холсты расстелены. Возьмут золу, сделают щёлок, и в золе, в щёлок положат на ночь, а утром опять выполаскивают и опять на солнышко, чтоб белое было, а тогда трубками катают, и, бывало, скажут: «О-о-о! там полон сундук холстов».

— Льяных?

— Нет, шерстяное сукно, и посконное, из конопли. У нас лён не сеяли. Лён — это на севере. У нас лён как-то посеял один... «Ой, у деда Максима... лён посеял». И все идут, смотрят, что ж за лён. И вырос. Ну, вырос вот такой вот, — показывает полметра от земли. — Небольшой. Вытрепал, всё хорошо. На пробу делал. Тогда его бабка говорит, - мы её спрашиваем: «Тётка Лукешка, ну как это, лучше, чем конопель?» Она говорит: «Лучше и мягче он, и прясть его можно тоньше». Мы говорим: «Ну что ж у тебя вышло?» — «Да, аршин двадцать выйдет, аршин двадцать натку».

Это мало? Из конопли сколько метров полотна ткали?

— Конопель у нас ткали по сто метров; тогда аршинами называли. И всё сукно в дело шло.

— На продажу не оставалось?

— Нет, всё себе. Сколько рубах, подштанников мужикам, рубах холщовых».

Антонина Емельяновна Мельникова, 1917 года рождения, деревня Николо-Жупань Одоевского уезда Тульской губернии:

«Моя тётка, мамина сестра, ткала полотно на продажу. Напрядёт, наткёт - приезжают купцы и забирают холсты. Из города купцы к ней приезжали, она хорошо ткала».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Ткали четыре полотна сантиметров по семьдесят ширины — на понёву. Три полотна — цветные, а четвёртое, спереди — чёрное, называлось «прошва». Понёвы были шерстяные. Шерсть красили, ткали, такую нитку пропускали, ткань получалась клеточками: клеточка такая, клеточка такая. Красили краской. Чёрную — красили ольхой. Замачивали кору, в ней кидали железо, чтобы не линяла. Пряжу замачивали. Женщины носили понёвы, а девушки — сарафаны чёрные. Белую овечью шерсть ткали, потом в раствор клали, и они чёрные были, сарафаны».

Антонина Ивановна Кострюкова (Пастухова), 1907 года рождения, уроженка города Саратова:

«В деревне носили юбки, — широкие, сбористые, и кофты сверху. Назывались они казачками, эти кофты. Казачок — это вот в талии такая кофточка, коротенькая. Казачки такие носили. Юбок много надевали, одна — нижняя, шерстяная, а сверху ещё несколько. А штанов — не носили. Потому что это — мусульманская одежда. Штаны надеть — это был великий грех. Мама у меня потом стала штаны носить, говорит: «Господи, какая я дура была». А её отдали замуж, за три или пять вёрст от дома. «Я соскучусь, - говорит, - по маме, а метель метёт, и метёт, я никак... Я и пойду; метель, а я пойду. И вот иду-иду, замерзаю... Надела бы штаны, какая разница б была».

Великороссы: поморы — Северный край
 1. Пустозер (промышленник из слободы Пустозерска, Архангельская губерния). 2. Поморы Мезенского уезда, отправляющиеся на промысел за морским зверем. 3. Двинский рыбак. 4. Онежская мещанка на ловле корюшки. 5. Онежская мещанка-девушка в подвенечном уборе. 6. Крестьянка из окрестностей города Архангельска. 7. Кольские поморки, — женщина (сидящая) и за нею девушка. 8. Кемлянки (женщины из Кемь) на карбасе (лодка) в открытом море. 9. Ловец речного жемчуга. 10. Перловина (Urio) — пресноводная раковина, доставляющая перламутр для мелких поделок и небольшие зёрна жемчуга. 11. Тюлень-ластик (Phoca barbata), по местному — нерпа. 12. Треска (Gadus morrhua, Morue)

Сестры Коваленко (в девичестве), тетки Феодосии Васильевны Коваленко стоят (слева направо) Анастасия, Екатерина, Марфа; сидят — Ганна, Оксана, Прасковья. 1920-е годы

— Занавески?

— Завески. Это такой фартук. А занавесок мы тогда не знали».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Занавесок не было на окнах. В 1934 году я замуж выходила в село Сидоркин, а в 1936 году у нас бригадира убили. Он сидел у окна, ведомость заполнял, его и застрелили. И с тех пор стали окна занавесками закрывать; тогда не занавески, а притворки назывались. Помню, на какой-то праздник, на Троицу или Спас, забыла, но — летом, к золовке в гости ходила. Она к празднику притворку повесила, а праздник прошёл — она снимает и в сундук кладёт. Барахло, бельё — в сундуках хранили, а верхнюю одежду — в чулане».

Феодосья Васильевна Коваленко, 1914 года рождения, уроженка села Савинка Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне - Волгоградская область):

«Мне мама в голод, в 1921 году, из юбки своей платье пошила. Юбки такие широкие были — шестиклинки, восьмиклинки; длинные, подбиты. По подолу - тесёмочка, чтоб не рвались: идут и подметают всё чисто на свете. Юбки, кофты - это полный сундук. Юбки, юбки, юбки — платья мало у кого были, все в юбках. У старух потемнее были, у молодых — по-светлее. Это сатиновые юбки были, — показывает мне фотографию. — Мои тётки, шесть сестёр их было — Вот эти кофточки я им вышивала. Я рано научилась вышивать, мне лет семь было, а я уже и вязала, и вышивала. А вот видишь — из-под юбки другая выглядывает. Знаешь, сколько юбок надевали? Рубашка трикотажная, юбка стёганая, неширокая, а потом уже юбка такая. Видишь, думаешь, такая толстая барышня была?

— А зачем столько юбок надевали?

— Так стёганка сперва была, потом юбка надевалась. А если так идти — «О-о-о! что-то я тонкая, надо ещё что-нибудь надеть, чтоб потолще быть». А зачем? Чтоб не видно ничего не было. Юбок много наденут, а сверху ещё белую юбку с кружевом, а потом уж тёмную юбку. И вот видишь — лифчик стёганный. Это как безрукавка, кофточка такая короткая. Я сейчас хочу сшить себе — не знаю как!

(Вспоминается из школьной программы рассуждение Н.Г. Чернышевского о двух культурах - крестьянской и дворянской. Дворянки считали красивыми тонких, бледных девушек; у крестьян взгляд на прекрасное был свой: дородные, при теле почитались здоровыми, крепкими, красивыми: «Коня на скаку остановит...» К тому же по православным понятиям целомудренная девушка должна скрывать форму своего тела, отсюда и множество юбок, и стёганая епанечка-лифчик).

У матери сколько юбок было? Хоть она и в прислугах была, а всё равно. Три пары юбок крёстный дарил ей на свадьбу. Две пары наволочек, одеяло коневое, чайный прибор — вон одна ваза осталась; на перину наволочку, две завески...

— А зачем так много одежды шили?

— Не знаю. Не знаю. Только много всего было.

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«Моя матушка, Пелагея Петровна, это когда мы уже в город переехали, всё удивлялась: «Летом - стирать?» Привыкла — у нас в деревне летом не стирали. Когда же и стирать: страда — то хлеб убирать, то сенокос. Накидают рубашек вот такую гору, семнадцать рубах, а осенью — стирают.

Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Говорю, крёстный маме на свадьбу много одежды надарил, две завески...

Иван Григорьевич Коваленко (дед Феодосии Васильевны) с супругой, сыном Василием, снохой Надеждой. На руках у бабушки — Федо'рка, наша собеседница Феодосия Васильевна Коваленко. 1915 год

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«В 1921 году голод был. Дед мой, Иван Григорьевич Коваленко, когда последнюю тёлку съели, сказал: «Ну, у меня больше ничего нет, разбегайтесь». Отец с матерью на заработки уехали, к киргизам в степь, мама в прислугах была, отец батрачил, а я в Савинке осталась, все три года была тамо, где кому надо повязать. Мне семь лет было, но я хорошо вязала. Денег не платили - покормят - и ладно. Сяду вот так на окно — ме-е-сячно, хо-о-рошо! Рано ложились, как только солнце закатится. Я вот сяду - и-и-и! вяжу. Навяжу... И юбки вязала.

— Юбки и вязанные были?

— Да, шерстяные, вязанные овечьи. Тальячие, вот так оборка.

— Что значит тальячие?

— Тальячие — верблюд молодой, тальяк, у него шерсть мягкая, хорошая, как пуховая всё равно. Верблюдов ножницами стригли, раз в год, летом. В каждом дворе - верблюды... С молодых, тальяков — платки, юбки...

— Носки?

— Нет, они быстро рвутся, шерсть-то мягкая. Только платки вязали и юбки. Носки — из овечьей шерсти. Овец два раза в год стригли, весной и осенью. Осенью - на валенки. А ещё посредине стригли, летом. Это — поярка, молодые ягнята. Эта шерсть — чёрная-

чёрная, она сваливается, из неё вязали носки, крепкие очень, длинные и чёрные. Варежки и перчатки с поярки. Юбки, чулки. Чулки были до колен: женщины носки не носили - чулки с резинкой».

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«Овец стригли летом. Перед стрижкой стадо купали: загоняли овец в пруд, прогонят на тот берег, потом опять в воду, так несколько раз, чтобы шерсть чистая была».

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Пуховые козы мало у кого были. Коз не держали почему-то. Шарфы — белые, пуховые — тоже тальячие. Пуховые платки у киргизов покупали, ездили в степь. С мохрами, белый платочек, небольшой, пуховый-пуховый, такой крупной вязки, а потом он слежался — не знаю что».

«Привет из Саратова». Открытка начала XX века

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«Козьепуховых платков не было. Коз не было, коз не держали, и зайцов не держали. Коза — это ведь чёртова скотина была. Это вот коз да зайцов стали держать. Никто русские её не держали. Вот я помню, я девчонкой была — от нас километра два-три жили тептери (тюркоязычный народ - В.В.), они коз держали; если коза к нам зайдёт — все выбегали смотреть. Они были татары, а потом окрестились, их звали крещёными, и вот посёлок был крещён — Новокоостеево звалось. Татары коз держали, а у нас в деревне - не-е-е-т! Коза - это чёртова скотина была».

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«Мама моя вязала всё — и носки, и кофты, и платки пуховые. Пуховые шали у каждой женщины тогда были. Козий пух покупали в Каменке, километров тридцать от Саратова, в этом селе наши родственники жили, и сама пряла, а потом вязала платки. Женщины в деревне постоянно ходили в платках в повойниках, в городе - нет. Моя сестра сколько горя перетерпела: ей папа запрещал шляпу носить, он сам шляпу не носил и ей запрещал. Бывало, придёт домой с гулянья поздно, — а отец всё запрёт, и она, чтоб он не видел её в шляпе, бросит шляпу в палисадник, а наутро — дождь; шляпе конец. Папа покупал ей хорошие шарфы, и пуховые, и такие, только б не носила шляпы, а она хотела в шляпе ходить». Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния: «Женщины постоянно ходили с покрытой головой, даже спали в платках, а кто не спал - тех осуждали: «О-о-о, женщина, без платка спит».

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«У мамы семнадцать платков лежали в сундуке. Три-четыре шёлковые. Один красный, другой синий. С махрами. Один — коричневый. Один - паплиновый. Шёлковый голубой. Летом жарко, — намажутся, завяжутся платком и ходят. Чем мазались? Мазилы делали: сулема, белила, — чтоб не

загорало лицо. Руки, — показывает на кисти, — чёрные, а тут — белые.

Великороссы, татары, черемисы, мордва — Московская, Рязанская, Владимирская, Тульская и Нижегородская губернии.

1. Крестьяне Московской губернии, подмосковные. 2. Татарка — девушка Рязанской губернии, Касимовского уезда. 3. Крестьянки Рязанской губернии. 4. Крестьянин Рязанской губернии Спасского уезда. 5. Крестьянин Рязанской губернии Пронского уезда. 6, 7, 8, 9. Крестьяне Владимирской губернии. 10. Крестьяне Тульской губернии. 11. Нижегородская купчиха. 12—15. Крестьянки Нижегородской губернии. 12. Нижегородского уезда, Ельнинской волости, с. Ельня. 13. Горбатовского уезда, Горбатовской волости, с. Изрубце. 14. Того же уезда Павловской волости, с. Павлове. 15. Нижегородского уезда, Безводнинской волости, с. Безводное. 16. Черемисы Васильсурского уезда. 17. Мордовка Нижегородской губернии Нижегородского уезда

носила, а косы всегда носила.

Венчались - в церкви под ноги полотенце стелили, мы на нём стояли. Вот меня замуж отдавали - две дублёных шубы мне дали, и новую сшили, черняну, и стару шубу дали, и бобриковый зипун. И манарку (куртку на вате с подкладкой, суконного верха — В. В.), тогда уже манарки пошли, я в 1933 году замуж выходила. И пониточну манарку мне сшили. Замуж вышла — я шесть одежин вынесла. Знали тогда время, что когда носить. Сейчас-то глядишь: что будни, что праздники — одинаково. Как купили — на себя все наряды. Тогда этого не было. Если уж она будничная — будничная, носят в будни. Если праздник — праздничная.

Венчалась я не в сарафане, а в кофте, в рукавах. А раньше венчались - в рукавах, в сарафане. Под венец уж наряжались, хорошу одежу надевали. Скатерть хорошу на руку...

— Скатерть?

— Подвенечная скатерть была. Сейчас её нет. Вот она свёрнута и на руке повешена. В правую руку свечу дают, а на левой руке скатерть подвенечная была.

— А потом куда скатерть девали?

— Её берегли. Вот, скажем, дитё захворает. Тяжело дитю. Сейчас к врачам, поедут к врачам, а у нас тогда врачей не было, больниц не было. И вот этого робёночка кладут, и на эту скатерть, и вот читают

(Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«В деревне вот так закрывались, покрывались платком как монашки, до бровей, чтобы Боже упаси загореть!»)

Мать рассказывала, почему и спать в платке ложились. Как замуж выйдет, так в платок, и косу уже не распускали, так как сейчас: распустят и идут. Если выйдешь на улицу: как через порог, - если только без платка, — то за волоса и на крышу тебя стащит домовый. Я у матери спрашивала: «Почему ты всегда в платке, и спишь?» Бывало, вспохватится: «Ой, легла без платка!» Какой попало наденет и спит. Спали не на простынях, а - на рядне, крупном, жёстком. Подушка - одна на двоих, кровати деревянные».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Спали на примостях, на полатах. Кроватей не было. Вот из этих конопель... хлопья назывались, вот когда сучили... На этих и спали. Спали в рубашках. В какой ходишь, в той и валишься. Стелили — из конопля была тката ткань, попона называлась, и укрывались — шерстяная ткань, из шерсти сучили, вал назывался. Подушки были, но широкие, вот так вдвоём спишь, и прям на двоих одна подушка. Кто побогаче был - дак ещё и под боками подушка была. «О-о-о! - говорят, там ещё и боковая подушка». Перин не было».

Антонина Емельяновна Мельникова, Тульская губерния:

«Крестьянки всегда ходили в платках, и летом и зимой. На праздник платок - обязательно с бахромой. Зимой под низ надевали платок, а сверху — шаль».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«На голову надевали чехлы - чепчики такие. Я замуж выходила, Дуня, сестра моя, свахой была. Когда венчались, нас посадили, стали они косы плести, одна коса, другая коса вот так; крестна надела на меня чехол сатинетовый, жёлтый, оранжевый, такой он хороший, баский, сшитый. Семён (муж Анастасии Михайловны — В. В.) забросил его на полати, чехол-то, и я его не

молитву... Как называется молитва-та? - спрашивает сама у себя. - «Сон Пресвятой Богородицы»! Читают. Если ребёнку не умереть — ему делается легче. Если умереть — он скорей умрёт. Это вот на моём виду, на моих глазах, я хорошо знаю. Вот у тяти с маменькой детей много было. Читальщицу привели, «Сон Пресвятой Богородицы» читать, и вот на эту скатерть положили. А уж он, боль такая-то была, рёв назывался. А-а-а-а! День и ночь, день и ночь — а-а-а-а! — а-а-а! Попеременки маменька с тятенькой сидели с ним, ну, вот, их и научили, что надо «Сон Пресвятой Богородицы» прочесть и на подвенечную скатерть положить. Вот читальщица стала читать молитву, он стал тише, тише, тише, и потом только вздохнул - и потом затих, час ли прошёл, ну, может два, - и он помер.

Константин Зюзин (свёкор Антонины Ивановны Кострюковой) с сыном Валентином. 1900-е годы

Родится кто, и не успеют его окрестить, а он помрёт. И вот когда звёзды падают - это души некрещённых младенцев, - надо перекреститься и сказать: «Яким и Анна, крест рубашка, Яким и Анна, крест рубашка, Яким и Анна, крест рубашка». И вот как будто бы он - и рубашка ему будет, и он вроде как окрестится».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Свадебный наряд был не белый. Атласные рубашки — алые, яркие-яркие! На голове — кокошники, сорока у нас называлась. А у девчонок — как сковорода — перевязка называлась.

Кокошник — сорока-то — красивый был! Весь золотом украшен. Там ниточки золотые. Ну, у нас редко у кого уже была золотом расшитая сорока. Один раз собралась я надеть такой кокошник, и то не удалось. Он не у каждого был. Илюшина сестра выходила замуж, а мне — свашкой быть. Ну и вот я говорю: «На своей свадьбе я не надела сороку, так хоть свашкою надену сороку». Ага. И собираюсь... собираюсь. Тогда приходят, - а Илюшин двоюродный брат женился, не сестра. Приходит его мать и говорит: «Настя, ты знаешь чего?» Я говорю: «Чего?» — «Дашка прямо слезами...» Это другая, невестина брата жена. — «Говорит, Настя ещё успеет побыть свашкою, у неё золовки есть, и сестры есть, а у меня никого нет, я если у Мишки не побуду свашкою, тогда нигде не побуду». Ну, и я уступила ей место. Это в 1935 году было. Тогда я солдаткой была, Илюша в армии служил. И вот у нас на свадьбе поют, обыгрывают, и деньги за это берут, и вот я говорю им: «Обыграйте моего Илью Григорьевича». Они и начали петь: «Илеечка Григорьевич по терему ходил, Настасьюшку Андреевну он за рученьку водил. Пойдём со мной, Настасьюшка, во зелёный садок, сорвём с тобою мы аленький цветок». Ага, и теперь они: «Настасия Андреевна, кланяется девушка с песенкой». Я говорю: «Занят, на посту стою». Ой, как Илюшин дядя как расплакался, как расплакался: «Мы тут гуляем, а он на посту стоит», — смеётся Анастасия Андреевна.

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«Первый раз сапоги я купил - уже парнем был, а то всё в лаптях. Мне под венец идти - а в чём? У соседа валенки взял - так в чужих валенках и венчался, в феврале дело было. Невеста, моя Наталья Петровна, царствие ей небесное, в войлочных ботиках, в галошах. Жакет в горошек, юбка - в этом она и венчалась.

Антонина Емельяновна Мельникова, Тульская губерния:

«По великим праздникам, на Пасху, на Рождество — в лаптях не ходили... (В грамоте Киприана Псковского говорится: «А мужи бы к святому причастию во вотолах не приходили, но снимая вотолы». Вотола — грубая, толстая ткань, дерюга, у которой основа посконная, а уток из льняных охлопьев. В церковь полагалось надевать всё лучшее, тем более в праздничный день. — В.В.)

Валенки я надела, когда в школу пошла, а так — и летом, и зимой — в лаптях. Отец плёл лапти из верёвок. Каждый мужчина должен был уметь плести лапти. Зимой онучи из сукна домашнего — ногу обернёшь, сверху портянка, и - в лаптях по снегу».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«В лаптях и я ходила. У отца я жила — там никто в лаптях не ходил, а вот вышла замуж — там Илюшин отец плёл лапти и обувал. Бывало, свёкор сплетёт, — «обувайся, — говорит, — в лапти». У нас и лапти, и чирики были.

— А что такое чирики?

— Чирики — как тапочки, но они - как башмаки. Но башмаки — сзади петлю делали на пятке и зашнуряли крестом, а тут, впереди, на подъёме, завязывали. А чирики шили прямо вот такие высокие, как полусапожки. Из телячьей кожи, из лошадиной. Кто сам выделывал, кто — отдавал. У нас отец сам и

овчины делал, и кожи делал, мой отец. Выделает кожу, а тогда только пригласит чеботаря, он и нашёт. И подошва кожаная была, и ноги так не болели. Носили чирюки долго, дольше, чем сейчас.

— А лапти? Я слышал, их недели на две хватало.

— Ну что вы! Бывало, свёкор сплетёт их, а тогда подошву, потоньше верёвочкой, как шнур вот у вас, — показывает на тонкий, миллиметра два в диаметре шнур, коим микрофон соединён с диктофоном, — из конопки верёвочка. Вил верёвку, и тогда эту подошву замуровывал. И долго носилось. И оно теплее так-то. На всё лето хватало. И зимою ходили в лаптях. В лаптях теплее, чем в кожаном.

— И ноги не мёрзли? Портянки наматывали?

— Портянки — это одно. Шерстяные онучи от мороза согревали. Ткали шерсть, пряли, конечно, тонко, ткали, а тогда отдавали — валюшня называлась, — валяли, оно прямо сплошное, как войлок, сукно, и этим обматывали ноги. Ну это, конечно, мужчины. А женщины — чулки рядовые вязали. Почему рядовые? Вязали не спицами, а одной иглой, такой, как крючок, и вязка получалась толстой, с палец толщины, и рядами пряжа свивалась. Вот в таких рядовых чулках зимой женщины ходили. Чулки без пяток вязали: как мешок свяжешь... Варежки тоже вязали круговую, на какую хочешь руку надевай. Лапти сизмальства носили. Бывало, дед у нас лапти для детей плёл: как только пойдёт внук — лапоточки ему вяжет. Такая свайка у него была, ею и вязал. Валенки почему-то мало было, хотя у каждого во дворе — овцы.

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«Лапти и ступни в Каменке носили. Ступни — это такие прочные, даже вода не проникала. Плели из того же, что и лапти, только вязка другая. Крепки; а формой — как ботинки: маленькая лазеечка туда. Это — для дома».

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«Ступни — другой формы, как галоши. В ступнях ходили дома, а по деревне, в лес пойти — в лаптях. Лыки начинали драть — как сок пойдёт, по весне: так она отстаёт хорошо, отлётывает шкура. Полежит, мягкая делается, хорошо режется. Узкая, уже пальца полоска, лычка. С молоденьких деревьев драли, с больших она не пойдёт. С лыка и лапти, и ступни плели.

— Говорят, ступни и воду не пропускали?

— Ну как? Пропускают воду... Как неплотно сделаешь... Лыко оно лыко и есть, пропускает».

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Лаптей у нас не было, не из чего было плести — степь же кругом, леса нет. Топили и то не дровами — кизяками. Кизяки — это сухой коровий помёт. Летом высушивали, а зимой топили.

Лапти я видела, когда в Петровске гостила (Саратовской губернии — В. В.). Один там мужчина пришёл в марте, в лаптях, замотанный в портянках. Говорит, в балке глубоко, снег подтаял, он и замочил. Я ему: «У вас же ноги мокрые». Он — «Та? Чё они мокрые? Сверху только». Стал разматывать портянки — там сухие. Вот вам и портянки в лаптях.

А у нас в деревне портянки мужики с сапогами носили: носок, потом портянка. Валенки — те без портянок, просто в носках. Калоши мало у кого были, их с чёсанками носили. Чёсанки — это тонкие валенки, тонкой валки».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«У нас тятя сам плёл лапти. Он и лапти плёл, и калоши. Вот я девчонкой была, ой, бывало, наденешь и идёшь.

— Не промокали?

— Как они не промокали? Лыко — как не промокнет? Конечно, промокали. Ну, уж зря-то по воде больно-то не ходили. А по мокрому-то ходили, хорошо, можно в них ходить было. А если по воде пойдёшь, конечно, зачерпнёшь, промочишь. Вот к тем лаптям колодки подделывали, если больно уж много воды, как колодку деревянную сделают и пришьют к лаптям. На колодках ходили. И к калошам пришивали».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«В обуви домой заходили. Полы были глиняные. Как суббота — коровий навоз разводишь и мажешь. Загнетку у печки подбелишь, и грудку.

— А коровий навоз зачем?

— В глину его добавляли, чтобы полы не трескались, чтоб прочнее были».

Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

Кострюков Виктор (муж Антонины Ивановны) с братом Александром. 1931 год

«Пола у нас хоть и деревянные были, некрашенные, но холодные. В комнате пятнадцать градусов - это жарко... Дома зимой в валенках ходили. Валенки сами катали. У нас через улицу котях жил, мой крёстный. А летом по дому в черевиках ходили. Черевики — короткие, кожаные, как туфли. Их без чулков носили: надел и пошёл. Тапок не было, черевики. Тогда идёт - сколько грязи есть, столько и несёт в комнату. Тогда не разувались. «Куда ты грязный!» — «А-а, помоешь, тебе делать нечего...»

Пётр Фёдорович Вольмантов, 1908 года рождения, город Новгород:

«Это сейчас приходишь в гости, разуваешься — какую-то чушь придумали. А раньше - снял калоши и идёшь, сапоги-то чистые. Раньше и плащи были: хоть целый день по дождю ходи, не промокнешь. Наверное, брезентовые были.

Великороссы: Санкт-Петербургская, Новгородская и Псковская губернии. 1. Биржевой артельщик из Охтян. 2. Мелкий торговец и его жена — оба из Петербургских мецан. 3 и 4. Крестьяне из окрестностей Петербурга — рыбак и ломовой извозчик. 5. Группа подгородных крестьян (Петербургской губернии) за столом, б. Женщины и девушки из Старой Руссы, Новгородская губерния. 7. Крестьянин-старовер Череповецкого уезда, Новгородская губерния. 8. Крестьянин Новгородской губернии — ямщик. 9. Крестьяне Псковской губернии

Храм Покрова Пресвятой Богородицы. Саратов. 1900-е годы

Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«У нас из брезента гейши шили. Гейша — это коротышка, рабочая одежда, зимняя одежда, как пиджачок коротенькая. Из брезента, а внутри - шерсть, стёганая, как фуфайка»).

У отца и брата лакированные сапоги были — здесь сборки, — показывает на подъём и на щиколотки, — а голенища -блестят, как зеркало. И на сапоги калоши надевали. А зимой — валенки. Валенки были и выше колена, тонкие, гнулись».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«Дома в обуви не ходили. Тапочек не было, зимой - валенки носили. По двору ходят, убираются — старые валенки; зашли в комнату — старые валенки скидывают; а чистые валенки надевают и ходят по полу».

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«В деревне чтоб девчонка в подшитых валенках вышла? Ни в коем случае! Новые. Старые — для дома. В деревне валенки валяли валяльщики. И чёрные, и белые были валенки, но в основном — чёрные.

Летом в деревне мужики по улицам ходили в носках, в чулках шерстяных.

— А кроме носков?

— Ничего, прямо в носках по траве.

— Протирались же...

— Ну и что? Это я сама видела в Каменке, в нашей деревне. По траве прямо в носках. Я всё удивлялась.

— Вы в деревню на каникулы ездили?

— Да. Жили мы на улице Симбирской, недалеко от церкви Покрова Пресвятой Богородицы, той, что недавно восстановили. Это моя приходская церковь, при ней и школа была, вот в ней я и училась. В воскресенье — обязательно в церковь. Если не пойдёшь в церковь, сядешь за стол — есть не давали. Я, бывало, ходила... Дадут на свечку, на поминание, на тарелочку положить, нищим подать. Я всё-всё-всё исполняла. А сестра с братцем, старшая сестра и младший брат — по пути в кондитерскую заходили, деньги истратят на сладости, а поминание - кому-нибудь в записочку попросят вписать.

- Антонина Ивановна, а в школу в форме ходили?

— В форме. Форма - коричневое платье и чёрный фартук. Косы. Две косички с ленточками.

- А у мальчиков какая форма?

- У мальчиков? Какая же у них форма была? Да! Мы ведь отдельно учились, девочки в одной школе, а мальчики - в другой. Ну, мальчики - фуражки, гимнастёрки тёмные, тёмные брюки, ботинки. В форме

мы и в театр ходили. А так публика в театр по-праздничному одевалась. Театр считался не то что теперь — абы-абы. Это был выход в свет».

Кострюков Александр, Кострюков Виктор, Седопластов Костя. 1912 год

Пётр Фёдорович Вольмантов, город Новгород:

«Я в школе не учился. Мне в школу идти — а тут революция, голод. Мы в деревню уехали. Я-то родился в Петербурге, и только родился — отец с матушкой в Новгород переехали. В Питере отец у графа Игнатьева кучером служил, лет двадцать, а в 1908 году в Новгород переехал и открыл там чайную. А кучер — знаешь? Надо ехать — конюха запрягают, он выходит, садится и едет. Конюха ухаживают за лошадьми, а кучер — как сейчас шофёр, сел и поехал, отвёз барина куда надо...»

А школу я — мне было уж семнадцать лет — окончил экстерном, четыре класса. Потом в новгородском педучилище на учителя учился, но пришлось бросить из-за голода, в деревню уехал...»

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«Мы бедновато жили. У меня и шапки не было: башлыком закутаюсь — и пошёл в школу. Сколько-то походил, ушёл — отец неродной, родной умер — мне лет восемь было. Да. Мать говорит: школьникам привезли в школу рубашки, штаны — будут давать. И я пошёл в школу. Учительница Мария Григорьевна, она дворов семь-восемь от нас жила, учительница: «Ты штаны не получишь». Я же не в классе был, в списках меня не было. Я сижу. У меня ни книжки, ничего. Теперь стала к доске вызывать, задачки решать. Вызвала двоих,

они не понимают, стоят. «Ну-ка, новичок, - на меня,- новичок, вставай, к доске». Я пошёл. Беру мел (писали мелом по доске), по доске — фук-фук-фук — всё написал правильно. «Садись, молодец! Садись, а вы стойте, оба стойте». Она говорит: «Из шкуры вылезу, а рубашку и штаны - получишь». Вот так вот!»

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Я себе сумку связала из верблюжьей гривы, в школу ходить. Четыре года я с ней ходила. У нас учительница, Елена Николаевна, возле моста жила. Я с её дочкой играла. Она маленькая, игрушек много. Полы покрашены. Занавески. Красиво в комнате. Я кушала там, из тарелки кушала, а тут, дома -из общей чашки, деревянной ложкой. А у учительницы — железной. Вот приду - мамке рассказываю, Елена Николаевна приглашала мать учительницей работать. Мамка моя четыре класса с похвальной грамотой закончила. Память у неё прекрасная была. Читала много. Прочитает страницу, говорит: «Проверяйте». Да и перескажет наизусть. Отец не пустил: «Не-е, учить... Какая там учительница...»

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Я в школу не ходила. Прясть надо, говорили, нечего там гайдакать. Писать, читать - самоучкой выучилась. Уже невестой была - ликбезы эти открыли. Пятнадцать человек нас собралось. Учитель - свой мужчина, деревенский. Сроду не забуду. Говорит он: «Ну, пишите «Д» с большой буквы». Я через всю тетрадку вот так кружок обвела и - «Дядя Максим!» Он вот так за голову взялся: «Э-э, знаешь что... Уматывай!»

Тут надо пояснить, чью же безграмотность ликвидировали большевики. В 1930-х годах в Советском Союзе повсеместно были созданы так называемые ликбезы — школы по обучению грамоте людей, вышедших из детского возраста. То, что в СССР не осталось безграмотных, преподносилось как величайшее достижение социализма. И это действительно было отрадно. Только при чём здесь социализм?

Ещё в Новгороде Владимира Крестителя и Марфы Посадницы простой люд грамоте разумел, о чём свидетельствуют тысячи берестяных грамот. Освобождение от крепостной зависимости дворянства в 1762 году и сохранение крепостного состояния крестьянства не способствовало распространению грамотности в народе. Но уже в царствование Александра III при каждой церкви, как правило, открывается церковноприходская школа (а церковей в России в начале XX века было свыше 70000). В 1894 году начальное образование становится бесплатным, а в 1908 году — обязательным. То есть к 1917 году неграмотными были только те, кто уж очень хотел остаться неграмотным. Потом — революция, гражданская война, нэп, — к 1930-м годам подросли те, кто при прежнем строе получил бы бесплатное образование, да большевики им этого не позволили. Так что большевики ликвидировали ту неграмотность, которую сами же развели.

Характерно, что и Пётр Фёдорович Вольмантов, и Анастасия Андреевна Серищева, не учившиеся в школе, грамоту освоили самоучкой, переняв навыки чтения и письма у своих родителей.

Крестьяне грамотность ценили. Но не менее уважали трудолюбие. Праздности, ничегонеделания они не знали, причём посильный вклад в общие хлопоты по дому, на огороде, в поле вносили все, и стар и мал. Наш знаменитый педагог А. С. Макаренко в тех же 1930-х годах, когда в ликбезах обучали азам великовозрастных учеников, обделённых революцией и гражданской войной, создал систему воспитания, как бы сейчас сказали — «трудных подростков», положив в её основу проверенную веками народную педагогическую мудрость: тунеядец не вырастет хорошим человеком.

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Вязать я научилась лет в семь, спицами вязать. Рядом с нами жила крёстная, и вот бабушка бывало: «Анна, давай Наташку сюда!». Вот придёт Наташка, моя ровесница, и они нам отмеряют концы, ну и кто вперёд, кто быстрее: мы друг перед другом, друг перед другом. Вязать рано начинали, и прясть рано начинали, в десять лет уже за прялку сажали».

Учёные, исследующие тайны психики, уже в наши дни открыли закономерность: чем больше ребёнок двигает пальцами рук, тем быстрее развивается он интеллектуально. Отсюда их рекомендации педагогам - занимать детей лепкой из пластилина, рисованием, аппликацией.

Крестьянские дети не страдали от безделья, не сидели сложа руки. Не отсюда ли поразительная крестьянская смекалка? Не знаю, есть ли в каком другом народе поистине гениальное изобретение — посиделки, где труд — нудный, кропотливый — соединялся и с весельем, и с воспитанием: попробуй-ка повольны, когда на тебя и подружки смотрят, и кавалеры-женихи.

Максим Сергеевич Соснин, Пензенская губерния:

«На посиделки пускали богатые мужики. Конопля насеят много, вот они и договариваются: за поседа — конопель выбрать. Собираются в хате девчата, ребята. Гармонь. Весело».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«На посиделки приходили вечером с гребнями, с веретёнами, с куделями, с мочками. Сидели пряли. А робята придут, так сидят, глядят только. Сколько девкам переделать надо! Посидят, да, сколько-нибудь, да маненько поиграют, песни попоют, каким-нибудь хороводом поиграют. Вот такие посиделки были. В каждом конце села — своя группа, свои подруги. А уж робята к кому хотели, к тому и шли. Сегодня к одним подругам, завтра к другим... По всей деревне ходили».

Парни на посиделках, конечно же, не бездельничали. Они выбирали невест. Удивляемся, почему сегодня много разводов, а надо бы удивляться, что не все расходятся — ведь женятся вслепую: узнаешь ли человека, встречаясь с ним на дискотеке? В деревне же каждый — как на ладони. Женихи на посиделки являлись без рукоделья, ибо их рукоделье — избу срубить, лошадь запрячь да поле вспахать, засеять да скосить хлеб, — тоже всё на виду, за спины не спрячешься, не обманешь, красивыми словами не обворожишь. Деревня знала цену любому, и цена называлась общественным мнением не ниже и не выше той, какую каждый и заслужил.

Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Вечерницы — это вместо клуба было. Плясали, пели.

«Сыни мои брюки, брюки мои сыни,
Одни брюки-то на мне, а другие - в скрыни».

Скрыня - это сундук. Частушка про синие брюки — из анекдота, как парень на вечернице хвалился, что у него двое брюк, а соседка подглядела, как он их в глечике — горшке — стирал, свои единственные «сыни брюки», и разоблачила, что в скрыне у него никаких других брюк нет».

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«На посиделки молодёжь собиралась. Девчата пряли, а ребята, - смеётся, - жгли гребни.

— Как жгли?

— Ну как? Сидит парень, курит-курит, и говорит: «Да хватит вам прясть». Цигарку это... в намыку, в гребень. Она, на-мыка, и сгорела. Намыка - это вот столько-то кудели. У нас одну девку мать за то, что кудель сгорела... Парень говорит: «Клава, да хватит тебе прясть, пошли, пройдемся по деревне, по улице». А она: «Ой, да нет, чего же, надо допрясть намыку эту». А он взял да сжёт. А там кто-то сказал матери, и она этот же гребень взяла да как шарахнула по голове. Не убила, а дурочкой сделала. Такая красивая была девка...»

Трагическая случайность. Вообще-то к шалостям и проказам молодёжи, тем паче - детей, крестьяне относились спокойно.

Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Отец тулуп носил, огромный. А мне лет шесть было. Вот тулуп упал с вешалки. Я у матери спросила: «Можно я покатаюсь?» Ребята с горки, с берега Торгуна катались на ледянках, на санках. Ну, вытащила я тот тулуп, он широкий, с борами: и тут девчата сядут, и тут, а я посередине. И поехали. И протёрли. Мать увидела: «А-а! Что же ты сделала? Батько не знает, что ты каталась? Ну, пускай...» И

бросила под вешалку. Отец начинает искать, а она: «Я там и знаю, где ты повесил?»».

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«Тулупы - это в дорогу, а так - полушубки носили».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«Вот куда поехали — студено, буря ли? - и вот тулуп надевают, азиям ли. У тулупа ворот пребольшущий, из овчины, а у азияма ворот из того же сукна, ещё под этим сукном, сказать, такой холст, и проложен охлопками: вот прядёшь, и из этих охлопков разостелят, потом выстегают его, и он был крепкий, тёплый».

Пётр Фёдорович Вольмантов, город Новгород:

«Это разве шуба, что сейчас? Сделана не знаю с чего. А тогда шуба действительно была шуба — овечьи шкуры выделывались. У отца был тулуп — овечьи специальные шкуры, и она выделана, чёрная... Она как шёлковая, её сожмёшь, так складок никаких нет. А сейчас... Пожми — она ломается...»

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Верхнюю одежду шили швецы. Вон, говорят, приехали швецы. Швецы по трое, по пятеро ходили, с сыновьями или с братьями. Бывало, скажут: «О-о-о! вот эти хорошие швецы».

За работу брали деньгами. К нам из другой деревни приходили, своих швецов не было: у нас деревня небольшая, дворов семьдесят. А овчины сами выделывали. Квасили с мукою ржаною, она укиснет хорошо, и тогда прямо закладывают овчины. Неделю и больше квасится. Потом вытаскивают, выполаскивают, сушат. У нас отец овчины очень хорошо делал, мягкие у него получались. Бывало, если кожа жирная, то она какая-то грубая. Вот он глиной натирает, размесит глину, намажет, она сразу втягивает, усыхает, он отряхает и ещё намазывает, пока это всё... А потом делает крючок, петлю и ногою, какая-то железка была, и вот он мял эту кожу».

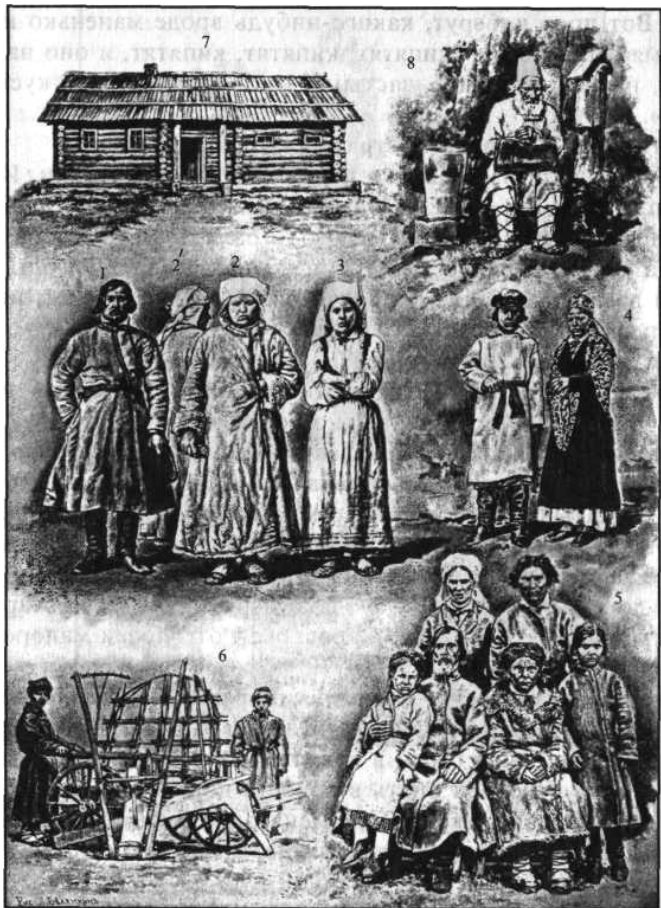
Феодосия Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Верхнюю одежду не сами шили — швецы. По хатам ходили — придут, шьют, пока всю семью не обошьют — тут и живут, потом дальше пошли, к соседям. А рубашки, юбки — это сами шили. У меня мать хорошо шила, у неё машинка была. Мать соберёт

их, шесть золовок Коваленко, шесть дочек у деда моего, Ивана Григорьевича, сестры моего отца, значит. Вот они приносят материал, и она строчит — без выкройки, без ничего. Ни выкройки, ни размеров, ничего. «А, тебе? — Это твой материал? — Сейчас». И сошьёт».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

«Мамин брат, дядя Петруха, ботинки, сапоги, хомуты шил. Круг - кожемятина; лошадь впрягал и мял, сминал — сыромятина. Сами кожу выделывали, и из своей кожи тапочки подшивали, хомуты, седёлки. А ботинки, сапоги — покупали».

Белорусы: низменное пространство (Северо-западный край). 1. Крестьянин Могилёвской губернии, Чириковского уезда, селения Большой Шишовки. 2 и 2. Крестьянская женщина и 3. — девушка той же губернии и уезда. На женщине зимнее одеяние

— шуба; на девушке надета ширинга — белый холстяной платок, вышитый по краям, составляющий головной убор, рубашка девичья холстинная, фартук девичий вышитый по подолу, ан-дарак — девичья юбка синяя и кабат, т. е. корсет или лиф. На обеих онучи холстинные с пеньковыми оборами и лапти. 4. Парень и девушка (в свадебном наряде) из окрестностей местечка Лепель, Гродненской губернии. 5. Белорусы Слонимского уезда, Гродненской губернии. 6. Белорусы Витебской губернии и местные хозяйственные и земледельческие орудия (телега, мялица

— снаряд, которым мнут лён; плуг, борона, коса, и грабли). 7. Белорусский крестьянский дом Могилёвской губернии, Чириковского уезда. 8. Крестьянин Могилёвской губернии, Чириковского уезда, старик-пасечник. Одежда его состоит из: магерка — войлочная белая шапка, свита — верхняя одежда, кушак, рубаха, и портки холстяные, онучи с пеньковыми сборами и лапти. В руках у него пчелиный кузовок.

Малороссы: черноземное пространство.

1 и 2. Девушки малороссиянки Киевской губернии в летнем одеянии. На них сорочки с вышивками и цветные сподницы (юбки) и запаски-передники, подвязанные широкими гарусными кушаками. Одна из девушек в свите. У обеих намысто (бусы) на шее и на голове ленты. 3. Женщина той же губернии (головной убор). 4 и 5. Малороссияне Киевской губернии — старик и молодой парень — в свитах и шапках чёрных барашковых. 6. Девушка Полтавской губернии за пряжею. На ней рубаха из холста и с цветными вышивками, сподница и передник, на шее намысто. Волосы заплетены в одну косу. 7 и 8. Женщина и девушка той же губернии. Обе в плахах (заменяющий юбку — сивок матери, иногда платок), в запасках, широких пестрых поясах. Рубахи украшены цветным шитьём. На шеях намысты. У женщины на голове платок, свёрнутый наподобие тюрбана, у девушки повязка из лент и цветы. 9. Малороссияне Харьковской губернии. На женщине безрукавка-кофта — корсетка — из жёлтой бумажной материи с бархатной отделкой. На голове парчовый очипок, повязанный шёлковым платком. Плахта клетчатая. Передница — фартук с обшивкой. На ногах чоботы (невысокие сапоги, обыкновенная обувь малороссиянок), на шее намысто. На мужчине — сорочка с мережкой — вышивкою, штаны с очкурами (шнурами), сапоги и на голове барашковая шапка. 10 и 11. Женщина и девушка Воронежской губернии Бирючинского уезда. На обеих сподницы (юбки) и фартуки ситцевые. У женщины ситцевая сорочка; на голове — очипок, повязанный платком. У девушки бархатный корсет; волосы заплетены с лентой в одну косу, а на голове повязка и цветы. Они в красных сапогах и шею обеих украшены намыстами. 12. Способ надевания плахты и запаски. 13. Хата Киевской губернии. Ма-заика, крытая камышом. 14. Дом с надворными постройками Волынской губернии. Строение — деревянное, обмазанное глиною.

Вообще, крестьяне покупали лишь то, чего не могли сами изготовить. Покупали или в магазине, или у своих односельчан-умельцев.

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния;

«Стирали — золу собирали с подсолнуха, она мягкая такая. Кинут овцам подсолнухи, они шляпки съедят, а былья остаются — ими топили печь. Щёлок из золы делали. Им хорошо стирать, и голову им мыли, и такой мягкий волос, лучше шампуня промывал. Уже я здесь сколько раз — дед сорвёт подсолнух, говорит: «Сделай щелочку, я голову помою».

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния:

— «Щёлок делали. Баню, бывает, топят, кадки были большие, и в эту кадку полведра золы, и этим щёлоком мылись. А мыла были всё время, а как перебои стали - сами стали варить. Вот дров наберут, какого-нибудь вроде маненько негодного мяса положат, - кипятят, кипятят, кипятят, и оно накипятится, накипятится всё, застынет — и резали, тоже кусками, мыло».

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«Бельё шили из льняного полотна: в нём не потели. И верхнее платье - из льна. А платье лён тяжело гладить. Утюги заправляли углём. Берёзовый уголь раскаляли, в утюге такая трубка - туда горячие угли, - он и разогревался. Уголь берёзовый возили по улицам, продавали. А сейчас его нет, иногда прям позарез нужно...

— А зачем он сейчас нужен?

— А вот масло задохнётся, его с углём вскипятишь - и весь запах уйдёт, но надо обязательно берёзовый».

Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

Гладили бельё рубелем и качалкой. Качалка - круглая, как тесто раскатывать, а рубель - рубцом. Брюки не гладили. Шаровары? Мало когда человек в них выйдет, а так - нет, не ходили в шароварах». (Савинка в начале XX века - громадное село, до 17 000 человек. Основано переселенцами из Харьковской губернии в 1839 году; шаровары - отголоски малороссийской старины).

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Бельё катали рубелем ещё влажноватое, чтоб лучше выгладить. У нас родня была, в волости кем-то работала. Бывало, говорят: «Ну, Федора опять в волость пошла». А жили бедно, и вот она, бывало, скажет: «У меня одна рубаха, и та размываха. Я её как выстираю, да вымою, выкатаю... А что толку, что у неё пять, а она в неукатанной рубахе».

Россия в начале века - ещё крестьянская страна;

именно в крестьянской среде сохранялись здоровые нравственные устои. Из семи моих собеседниц и собеседников только двое детские годы провели в городе, лишь изредка наезжая к родственникам в деревню. В городах люди одевались не так, как в сёлах. Правда, городская мода, хотя и медленно, начинала проникать в деревню. Завозили её как горожане, так и крестьяне, отлучавшиеся в город на заработки.

Антонина Емельяновна Мельникова, Тульская губерния:

«Родилась я в Москве, в 1917 году, а весной следующего года наша семья вернулась в деревню. Мой отец, Емельян Платонович, и мама, Анна Устиновна, уехали в город на заработки ещё до германской войны. Мама на фабрике работала, на швейной. Чего в деревню вернулись? А прослышали - землю давать будут, вот и поспешили в свою деревню. Вернулись богатыми, дом купили. Одеты уже по-городскому. У мамы - белый платок, шуба кротовая, муфта. У отца, помню, долго штiblеты городские были, носились много-много лет».

Кострюкова Анна Александровна с Кострюковым Виктором. 1908 год

Анна Александровна Зюзина (Кострюкова) и Константин Зюзин (свекровь и свёкор Антонины Ивановны Кострюковой). 1912 год

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«У нас одевались и не по-городскому, и не по-деревенскому. Один брат у меня был машинистом на железной дороге, он в косоворотке ходил. А у другого, ювелира, - белогорлая рубаша, с прямым воротником. И шляпу носил. А ни мама, ни папа шляпы не признавали: у мамы — платок, папа в чёрном картузе, в косоворотке сатиновой, в пиджаке из шерстяного сукна, в брюках, сапоги с лакированными голенищами. Косоворотку и я мужу вышивала: на кремовом фоне - чёрные узоры».

Пётр Фёдорович Вольмантов, город Новгород:

«Я сам плёл соломенные шляпы, ещё мальчишкой был. Солому нужно брать ржаную. Нам из деревни её привозили. Солому плету - такая лента, в четыре, в пять соломинок плетёшь, лента во всю шляпу. Солому, если она засохнет - в воду, в ведро, чтобы мягкая была, вот из мокрой соломы и плетёшь. Потом ленты сшиваю, - пожалуйста, шляпа получается. Лёгкая, прочная; от солнца, на всё лето хватало её».

Давно ли появились соломенные шляпы? Кто их выдумал? Этнограф Сергей Васильевич Максимов утверждает: в середине XIX века, на Средней Волге, в Нижегородской губернии. В очерке «По Сеньке и шапка», написанном в 1884 году, он предполагает: случилось это так:

«Завёлся пастушок у деревенского стада, заскучал своим временем, а Бог ему дал талант. Выдумал он таскать из чужих скирдов солому - думали, на постель себе, так и Христос с ним. А он перехитрил, всех обошёл: начал оржаную солому заплетать на досуге в длинные полоски, как быть ремешки или ленты в полвершка шириной. Стал по краям аккуратно сшивать ниточками, какие накланчит у хозяев в деревнях; стали выходить у него круглые шляпы с полями, как у хохлов «брили». Видел он такую у проезжего барина и у попа присмотрел. Стал продавать эти шляпы за гривенник; товар его приглянулся. На базар в такой шляпе не всегда выйдешь, но на работах в поле — нет её лучше. Выучились у него досужие, а теперь начали плести целыми деревнями. Стоит теперь такая соломенная шляпа целый четвертак, а всё же не полтора целковых и не два рубля, за что обыкновенно продают в лавках поярковую шляпу».

Антонина Ивановна Кострюкова, город Саратов:

«Сатин-либерти - это шёлка никакого не надо. Тонкий, мягкий, шелковистый. Сатин - он толстый, а это... Мануфактурщики Шерстобитовы, они в Саратове выпускали сатин-либерти. У меня отец носил поддёвку. Это - в талии, на спине сборки, на поясе. У мамы - пальто на лисьем меху, мехом внутрь. Зимняя одежда - широкоспинка: широкая, клёш, из овчины, непокрытая; овчина внутри, как дублёрка.

(Феодосья Васильевна Коваленко, Самарская губерния:

«Широкоспинка шилась из милестиновой материи — это как плюш, только гладкая ткань; больше у богачей была»).

Пальто-ротонды в моде были: без рукавов накидывалось, руки внутри. Муфты. У детей - муфточки, это уж обязательно. У мальчиков - варежки. Богатые купцы - по моде одевались.

Великороссы: Северный край — Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии. 1. Женщины-поморки из окрестностей города Мезени, Архангельской губернии. 2. Мещанка города Архангельска. 5. Мещане города Великого Устюга, Вологодской губернии. 4 и 5. Девушка и женщина — крестьянки Сольвычегодского уезда, Вологодской губернии. 6. Крестьянин Олонецкой губернии, странствующий певец былин.

«Сестрин муж Библию читал, и он нам говорил: «Придёт время такое: одежду будут носить всё короткую, с борами не будет, пинжаки будут, манарки будут, всё будет коротко. Женщины сарафаны носить не будут. Крестить детей не будут, венчаться не будут, — это он всё сказывал. — Везде будут провода проведены, протектора. Детей будут в чреве убивать, женщины, - говорит, — детей будут в чреве убивать!» Казалось страшно всем: как детей в чреве будут убивать?! Люди?!.. И вот — узнали люди — как... Сколько их убивают! Когда мамка моя умерла — нас четверо осталось у отца. Взял жену с дитём: нас стало пятеро. Год не прошёл — шестой родился; и сколько у нас было! Семнадцать детей у тятки было. Никого в чреве не убили-то».

Городские деревья на бульварах каждую весну обстригаются «озеленителями». Иной раз так «доозеленяют», что вместо дерева торчит обрубок из асфальта... Но если от дерева отрубить за суком сук, отламывать ветку за веткой — где та грань, за которой живое дерево превратится в бревно? Наверное, когда засохнут корни, не выдержав мучений... Бывает, и пень пускает новые побеги: если корни не подточены, не подрублены, не засушены - они помнят, какой был ствол, какие ветки, какие листья. Не умерла память — есть надежда: вырастет дерево, по-прежнему прекрасное.

Корни народа — его память. Хранят люди заветы старины — жив народ, даже если и переломаны, покорёжены его ветки.

Анастасия Андреевна Серищева, Воронежская губерния:

«Это мои племянницы, внучатые, — показывает на фотографию. — Юбки давние, из бабушкиных сундуков. А рубахи атласные и завески — это они сами пошили. По праздникам надевают; на свадьбу когда идут...»

Я перевернул фотографию. На обороте — название села Белгородской области и дата: 1981 год.

Кажется, срублено могучее дерево под самый корень, но пробиваются листочки на пне, тянутся к солнцу... Глядишь — и веточки вверх прорастут. Значит, не засохли корни?

Костюм-тройка. Жилетик, часы, цепочка».

Пётр Фёдорович Вольмантов, город Новгород:

«К отцу в чайную сколько раз приезжал фабрикант Иван Емельянович. Он имел три фабрики фарфорово-фаянсовые. Только на одной десять тысяч рабочих! Тогда мода была — тройка: жилетка, брюки и пиджачок. Это тройка называлось. Эх, бывало, едет, летом, в коляске. Воронье лошади - тройка: одна коренная, а две сбоку, голову на сторону. Идёт, так сзади... Где твои «жигули»! А зимой санки такие у него, возок, сидит он, - кучер на козлах, в медвежьей полсти одет, чтоб тепло было, так его не пройдёт никакой мороз...»

Слушал я стариков, вспоминая патриархальный быт дореволюционной деревни, и подумал: а ведь они, живущие в городских квартирах или в сельских домишках - всё равно — вместе с родными детьми и внуками, доживают свой век в чужом народе - так всё изменилось до неузнаваемости. Нам же всё твердят: «Вперёд, Россия!» Куда?

Анастасия Михайловна Шокурова, Уфимская губерния: